

О. Н. Шумская

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Рецепция эмергентных феноменов литературы в концептуальных моделях эстетического опыта

Шумська О. М. Рецепція емергентних феноменів літератури в концептуальних моделях естетичного досвіду. Розширена концепція пізнання передбачає інтердисциплінарне співробітництво і виводить сучасне літературознавство за традиційні рамки наукового дослідження. У світлі нових парадигм естетична програма різних видів мистецтва включає критичний розгляд емергентних властивостей співпережитого досвіду з метою розвинути здібності осягнення культурної семантики. Ототожнюючи пізнання з процесом життєдіяльності, прихильники нейрофеноменологічного напрямку експериментують з моделями суб'єктивних феноменів сприйняття духовних цінностей.

Ключові слова: *рецепція, естетичний досвід, нейроестетика, свідомість, психоаналіз, комунікація, емергентний феномен.*

Шумская О. Н. Рецепция эмергентных феноменов литературы в концептуальных моделях эстетического опыта. Расширенная концепция познания предполагает интердисциплинарное сотрудничество и выводит современное литературоведение за традиционные рамки научного исследования. В свете новых парадигм эстетическая программа различных видов искусства включает критическое рассмотрение эмергентных свойств сопережитого опыта с целью развить способности постижения культурной семантики. Отожествляя познание с процессом жизнедеятельности, приверженцы нейрофеноменологического направления экспериментируют с моделями субъективных феноменов восприятия духовных ценностей.

Ключевые слова: *рецепция, эстетический опыт, нейроэстетика, сознание, психоанализ, коммуникация, эмергентный феномен.*

Shumska O. M. Apprehension of emergent literature phenomena in conceptual models of aesthetic behavior. The detailed conception of cognition implies interdisciplinary coordination and brings modern study of literature beyond the framework of scientific research. In the aspect of new paradigms the aesthetic program of different types of art includes critical view of emergent features of shared past experience with the aim to develop the abilities of understanding cultural semantics. Identifying cognition with life processes supporters of the neurophenomenological direction make experiments with models of subjective phenomena of understanding moral values.

Key words: *apprehension, aesthetic experience, neuroaesthetics, consciousness, psychoanalysis, communication, emergent phenomenon.*

Для постижения закономерностей нашего миропонимания требуются универсалии из научной и чувственно воспринимаемой сфер, поэтому естествознание издавна сотрудничает с «эстетическим ведомством», отвечающим за развитие способности постижения артефактов. Эстетика является методологическим основанием теории различных видов искусства. Через рецепцию абстрактных образов культурного характера литературоведы исследуют людские поступки и помыслы. «Уравнение со многими неизвестными» включает сущность и процессы сознания личности, ее деятельность и понимание общественных потребностей. Актуальные формы представления антропологического знания настойчиво подчеркивают роль поэтических техник для производства знания и *vice versa*.

Рецептивно-эстетическое направление в современном зарубежном литературоведении заложили труды создателей Констанцской группы «Поэтика и герменевтика» (Х.Р. Яусс, Р. Варнинг, Х. Блюменберг), а также представителей литера-

турной теории американской «Школы читательской реакции» (С. Фиш, Н. Холланд). Поднятые В. Изером вопросы литературной антропологии и перспективы его теории эмергенции эстетических феноменов изучаются и развиваются в настоящее время участниками междисциплинарного проекта «Культурные основы интеграции» (А. Ассманн, Х. У. Гумбрехт, М. Леппер). В отечественном литературоведении проблема читательского отклика изучалась в русле рецептивной критики (А. С. Козлов), лингвопоэтики (А. М. Науменко), компаративистики (В. И. Силантьева, В. Д. Наривская). Мы считаем, что выдающимся предшественником создателем рецептивной критики является А. А. Потебня. Анализ поэтического языка и языковой природы искусства в воззрениях украинского филолога (которые, в свою очередь, представляют блестящее развитие идей Вильгельма фон Гумбольдта), остается благодатной темой научного исследования, особенно в связи с упрочившимся интересом к нейрофеноменологическим аспектам поэтики в целом и ак-

туальной сфере рецепции цифровой литературы (Н. Карр, М. Вольф).

Цель статьи — продемонстрировать, с точки зрения нейрофеноменологического подхода, как смысловые характеристики и критические суждения фильтруются через интегрированный континуум накопленных знаний в рецепции поэтического тезауруса. Наша задача — рассмотреть отдельные эксперименты из «прикладной эстетики» (Франц Грильпарцер, Норман Холланд, Эрик Кандель), поскольку важно не только то, что мы читаем, но и то, как мы читаем.

Сенсационные открытия в области эволюции человека и его генетических особенностей, популярные нейроэстетические концепции — навигационные знаки литературоведческого фарватера. Свежие притоки обогащают и углубляют историю и теорию эстетики, «крестным отцом» которой по праву считается А. Г. Баумгартен — автор «Философских размышлений о некоторых вопросах, касающихся поэтического произведения» (1735). В глобальном плане вся позднейшая поэтика и герменевтика протекали в русле новых способов разгадки комплексного феномена искусства, включающего центральный аспект сознания: что желал сказать мастер, и что художественный текст повествует независимо от намерений его создателя.

На вопрос «где?» происходят умственные процессы сегодня может ответить томограф. Сверхточная аппаратура считывает и моделирует функциональную схему сновидений [6:106], также дает объяснение, как наш мозг связывает цвет и вкусовые ощущения. Кофе, например, имеет более насыщенный вкус, если мы пьем его из голубой чашки, поскольку горизонт ожидания этого цвета одновременно сигнализирует «сладкое» и «горькое». Тем не менее воссоздать мысли и душевные порывы Марселя Пруста, увлекающего читателя в далекие воспоминания со вкусом липового чая и пирожным «мадлен», представляется маловероятным. Поскольку сопереживание событию носит неповторимый индивидуальный характер, конкретная нейрофизиология формирования абстрактных понятий пока не ясна. Вопрос «как?» сознание активизирует когнитивные операции, и какими нейромеханизмами они управляются, до сих пор остается «гордиевым узлом» в критической полемике.

«Мы меняемся, становимся лучше, идем вперед и неустанно верим в то, что именно мы нашли самое правильное решение», размышляет в «Литературных знакомствах с Берлином» Франц Грильпарцер (1791–1872). Среди встреч с представителями романтической плеяды австрийский поэт и драматург вспоминает визит к Францу Горну. Последний был известен своими замысловатыми толкованиями произведений Шекспира и «казалось, изо всех сил старался сделать непонятным самого из понятных в мире поэтов» [2:136]. Отзываясь с легкой иронией в адрес известного немецкого историка литературы, Ф. Грильпарцер отстаивает свои творческие

принципы. Он считал, что интерпретация выставляет на показ истинную красоту произведения, увиденную критиком, а природное восприятие — это интуитивный смысл первозданной красоты. «Для меня Гамлет совершенно ясен и его не нужно демонстрировать. Портной на галерке четвертого ряда воспринимает Гамлета в целом, естественно для живого человека образе, только так и достигается эффект возвышенного ощущения» [2:137]. Следует заметить, что теоретические выкладки Ф. Грильпарцера рассматриваются в статье не как одинокие поэтические острова на горизонте чужой эпохи. Изолированные, на первый взгляд, факты вызывают определенный интерес своей синергетической ориентацией и во многом созвучны с гипотезой автопоззиса Франсиско Варелы. Современный чилийский ученый, представитель нейрофеноменологического подхода теории познания, изучает эмпирические состояния, «вписанные» в конкретную область ощущений, налагающих отпечаток на все переживания «ауры жизни».

Известно, что в конце 19-го начале 20-го века З. Фрейд, изучая поэзию как «сон знания» и логику формирования воспоминания эмпирическим путем, так и не смог ответить на вопросы: где именно «размещается» восприятие, почему наша память чрезвычайно селективна, и как когнитивное бессознательное формирует и структурирует все сознательное мышление без участия нашего сознания? [6:107] В классическом психоанализе галерея образного восприятия в сознании художника лишь в общих чертах напоминает архив его биографии, который можно разобрать или пересортировать подобно безучастному содержимому каталога. В этой связи интересно вспомнить знаменитую картотеку философа культуры и литературной антропологии Х. Блюменберга. Более 30 000 хранящихся в музее г. Марбаха «фрагментов многомерного ментального пространства» сознательного опыта ученого дают пищу воображению, но даже такой внушительный объем не позволяют полностью «разгерметизировать» духовную сокровищницу немецкого мыслителя. Собранные письма, заметки и цитаты прослеживают этапы его творчества: парадигмы метафорологии на пути познания, как дыхания жизни. Примеры плодотворного слияния поэтического и естественно-научного опыта для эмергенции новой духовной энергии заставляют потомков думать, вслушиваясь во внутренний разговор сердца и разума.

Сознание (по У. Джеймсу) — это непрерывно меняющийся поток всеобъемлющего характера. «Несметных ратей предводитель», Карл Великий, был для Рима варварским парвеню, которому воздавались небывалые почести. Современники считали Наполеона выскочкой, а история его обожествляла. Богатую литературно-рецептивную хронику культурной жизни своего времени оставил нам Франц Грильпарцер, успешно совмещавший литературную деятельность и служебные обязанности, в частности, директора министерского архива. На сцене Королевского театра Грильпарцеру

довелось слушать блистательную Генриетту Зонтаг, которая впервые пела в Берлине после Парижских гастролей (1915). Германская публика осмивала ее появление, выражая враждебность к французам. Ф. Грильпарцер восторгается достоинством и мужеством оперной дивы, чье вокальное и сценическое мастерство возвысилось над политическими настроениями. Триумф последующих выступлений Зонтаг свидетельствовал об одержанной духовной победе певицы, завоевавшей глубокое признание в сердцах негодовавших накануне берлинских зрителей [2:133].

По воспоминаниям Ф. Грильпарцера также прослеживается динамика личного восприятия австрийским поэтом Людвига Девриента — представителя немецкой театральной династии. Первая встреча со знаменитым актером оставила в памяти гостя лишь отсутствующий взгляд, рассеянные мысли и банальные вопросы собеседника. Однако позже Грильпарцер снова увидел Девриента в шиллеровской драме «Разбойники» и оставил нам подробное описание поразительных метаморфоз актера в образе Франца Моора. Вовремя спектакля поэт сидел в ложе, но поскольку имел слабое зрение, действие за рампой не мог проследить детально. В сцене, когда отцу сообщают о смерти Карла, и старик Моор падает в обморок, младший сын торжествует. При этом лицо Франца искажается в такой злорадной гримасе, что наш зритель невольно отпрянул назад, испугавшись не на шутку, что «сам Дьявол, полный огня и фантазии», в этот момент запрыгнет к нему в ложу. В «Литературных знакомствах» Ф. Грильпарцер сильно потрясен от сопереживания игрового эффекта: в одно мгновение туман перед глазами рассеялся, и поэт до мельчайших подробностей рассмотрел выражение лица актера, прозрев удивительным образом. Эмоциональный континуум эмергировал в качественно новое чувство сближения, ощутимо сократил расстояние между актером и публикой.

С точки зрения нейрофеноменологии, художественные образы не являются зеркальным отражением нейронной деятельности зрителя, слушателя, читателя, сопереживающего эстетический опыт драматического или другого плана произведения. Резонанс от эффекта, когда актер облачает свои чувства в характерную ролевую форму, представляет живой интерес рецепционистов. В современном зарубежном литературоведении лидером этого направления является В. Изер. Эмергенция, в рамках его аналитической концепции, рассматривается как одно из функциональных свойств аутопоэзиса [4].

В конце прошлого столетия Дж. Лакофф и М. Джонсон высказали уверенность в том, что наши понятия вплетены в паутину жизни, что именно дух принадлежности способен наполнить жизнь каждого из нас глубочайшим смыслом. Примерно в это же время внимание литературоведов привлекают психоаналитические теории профессора Нормана Холланда. Основатель и директор Центра психоаналитических исследований

искусства и литературы в университете Буффало объяснял механизм взаимодействия физических процессов и сознания, рассматривая художественные произведения как пространство культуры, где в опосредованной форме проявляются психические структуры. На основе своих опытных наблюдений в книге «Пять читательских прочтений» (1975) Н. Холланд сделал несколько принципиально важных для понимания литературной рецепции выводов. Он выделил четыре аспекта в восприятии и толковании произведения читателями. Это — «защитный механизм», «сублимация», «влечение к удовольствию» (как защитная реакция на неприятные ассоциации при чтении) и, наконец, «ожидания от других людей» (ожидания от героев произведения). Названные четыре аспекта, полагает Н. Холланд, составляют четыре стороны основного принципа «темы идентичности», помогающего подсознанию проникать в осознанную жизнь. Исследователь представляет читателя, который бессознательно «трансформирует» текст с целью определения своей идентичности, «приспосабливая» к последней как все прочитанное в целом, так и отдельные, даже самые незначительные фрагменты произведения (в качестве примера Холланд приводит, в частности, различные впечатления и интерпретации студентов по рассказу У. Фолкнера «Роза для Эмили») [3:113]. Насколько прочно мы вплетены в общую (не только воображаемую!) ткань живого, прослеживаются и другие вехи развития рецептивной эстетики.

Значительный вклад в постижение искусства рубежа XIX–XX веков внес американский ученый с мировым именем Эрик Кандель. Его труд «Эпоха познания. Исследование бессознательного в искусстве от Венского модерна до наших дней: духовное и телесное» [5] возводит мост между духовной культурой и биологией, погружаясь в подсознательные душевные и ментальные процессы творческой личности. Объектом изучения автора явились события 1850 года, когда студенты со всей Европы стремились попасть в «Венскую медицину», которая славилась своими прогрессивными методами диагностики с ориентацией в сторону натуралистического направления философии. В том, что патологическая анатомия, как фундаментальная наука, приблизилась к практической деятельности врача, большая заслуга принадлежала Карлу фон Рокитанскому (1804–1878). Читатель знакомится с интересным историческим фактом: ассистент профессора К. Рокитанского Цуккеркандль был женат на хозяйке модного венского салона, в котором впервые встретились Зигмунд Фрейд и Артур Шнитцлер. Не удивительно, что искусствовед и литературный критик Берга Цуккеркандль находилась в курсе новостей, происходящих в клинике медицинской школы. По приглашению Цуккеркандля художник Густав Климт был частым гостем анатомического музея и обучающего отдела прозекутуры, где присутствовал при вскрытии. Медики, в свою очередь, посещали модный салон и откры-

вали венскому бомонду фантастические партикулярные миры внутренней жизни человека, увиденные под микроскопом. Новые знания находили непосредственное выражение в искусстве Венского Сецессиона. Изображением лиц, пластикой тел, движением рук Эгон Шиле, Густав Климт, Оскар Кокошка стремились передать власть подсознательных чувств, выражение страстного желания, вождения, агрессию, страх, сексуальность, т.е. воплотить «особый вид переживания, перенося определенный вид мышления в мир объектов, где люди могут увидеть его». Искусство вносит вклад в создание и циркуляцию знания через поэтические техники и способы живописи.

Нельзя не признать заслугу послевоенных лабораторий Америки, разработавших когнитивно-психологические модели процессов эстетического восприятия. Нейроэстетика, безусловно, дает понять, как зрение и головной мозг реагируют на раздражение, как влияет память и подсознание на визуализацию чувств и реакций, но не дает объяснения воздействию искусства на человека, различия индивидуальным интерпретациям художественных феноменов. В качестве гипотетического направления поисков аргументированного ответа следует учитывать, что произведение искусства чувствительно к интерпретационным навыкам — шаблонам, категориям, выводам, аналогиям, с которыми сознание подходит к нему. Чтобы проникнуть в тайны искусства, автор «Эпохи познания» добавляет «функциональные переменные значения» в *quasi* универсальную антрополого-физиологическую формулу. Как видим, исследование Э. Канделя представляют собой эксперимент по поэтологии знания: под экспериментом понимается стык между наукой и литературой как «медиум между эмпирическим доказательством и открытием новых возможностей» [1:83]. Без социального аспекта мировосприятия объяснение эстетического опыта становится заходит в тупик, и человек остается суплементом, лакуной, фантомом без специфического «Я», без индивидуальности, без самости. В то же время нейроэстетика в духе Канделя расширяет аналитические рамки в сфере критического приложения рецептивной теории. Эмергентный опыт в творческой мастерской развивает способности постижения художественных ценностей у аудитории. «Мир каждый видит в образе ином, И каждый прав — так много смысла в нем» (Гете).

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что чтение, как важнейшее достижение человеческой культуры переживает переломный момент, с тех пор как наряду с традиционной книгой появились электронные носители информации, планшеты, смартфоны. Изобретение шрифта, печатного пресса, персонального компьютера — все это разные сферы технологизации слова, которое уже нельзя «рас-технологизировать». Растворится ли мировая литература в вареве универсальной библиотеки с оцифрованным художественным словом, или чтение все-таки останется неотъемлемой составляющей нашей духовной жизни, символом которой Джон Апдайк считал традиционный книжный переплет, который «разъедается в электронном муравейнике»?

Результаты проведенной работы позволяют сделать следующие выводы, которые маркируют новые ориентиры на ландшафте литературоведческих исследований.

1. Рецептивная критика представляет разнообразный спектр парадигм. Именно парадигм, а не инструментов, поскольку актуальное литературоведение не признает более самодостаточности своего объекта — он выступает как подчиненная ценность. И действительно, после того как неориторика, интертекстуальный анализ, нарратология перестали теоретически развиваться, литературоведение утратило суверенность и продолжает свое существование в русле этнокультурологических изысканий, истории дискурсивности, нейрофеноменологии, эмергенции, политологии в разных ее вариантах (особенно выделяются постколониальные штудии).

2. Процесс деконструкции духовного в истории сопровождается «перепрограммированием» мыслительных схем читательской культуры, и концептуальные модели эстетического опыта через рецепцию эмергентных феноменов литературы дают представление о взаимной координации в коммуникационной сфере.

3. Революционные изменения техники чтения (напечатанной и электронной версии текста) не являются поводом для беспокойства, скорее они настойчиво призывают филологов переосмыслить сложившуюся конфронтацию, чтобы не превратиться в общество с ограниченными читательскими способностями, а попытаться найти для себя баланс в классическом каноне и понять, «уединясь, Вселенной внутреннюю связь».

Литература

1. Николози Р. Картографируя поворот: Жаркие зимние дебаты. / Р.Николози; пер. с нем. // Новое литературное обозрение. — 1/2012. — № 113. — С. 80-84.
2. Grillparzer F. Literarische Bekanntschaften / F. Grillparzer. // Berlin literarisch. Hrsg. Von Jürgen Engler. Atb, Verlag GmbH, Berlin. — 1. Auflage, 2012. — 335 S.
3. Holland N. 5 Readers Reading. / N. Holland. — New Haven and London, Yale UP, 1975. — 418 p.
4. Iser W. Emergenz. Nachgelassene und verstreut publizierte Essays. / W. Iser / Hsg. A. Schmitz. — Konstanz University Press, 2013. — 320 S.
5. Kandel E. Das Zeitalter der Erkenntnis. Die Erforschung des Unbewussten in Kunst, Geist und Gehirn von der Wiener Moderne bis heute. / E. Kandel. — Siedler Verlag, München, 2012. — 704 S.

6. Thadeusz F. Im Reich der Träume. / F. Thadeusz. // Der Spiegel. Das deutsche Nachrichten-Magazin. Spiegel-Verlag Rudolf Augstein GmbH&Co. KG. Режим доступа: www.spiegel.de, 2015. — №2. — 2015. — S. 104–111.